

Р.Ф. Бекметов, А.Х. Вафина

Казанский федеральный университет, г. Казань

«АНТИЧНЫЙ ТЕКСТ»

В ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Заметка посвящена проблеме рецепции античных произведений в татарской классической литературе и вопросу их переводов на татарский язык. Прослеживается история обращений к античной теме, отмечается важная роль русских переводных копий в механизме освоения татарами античной культуры, производится краткий разбор татарских и русских переводов. В целом, работа носит поисковый характер.

Ключевые слова: античность, татарский язык, русский язык, художественный перевод, история литературы, рецепция, текст.

This brief article deals with the problem of the reception of antique writings in the classical Tatar literature and the issue of their translation into the Tatar language. The history of addressing the antique theme is traced down, the important role of Russian translated copies in the mechanism of assimilating of the antique culture by Tatars is emphasized, a brief review of Russian and Tatar translation is carried out. The paper is of only exploring character and does not claim to reach the final conclusions.

Key words: antiquity, Tatar language, Russian language, literary translation, history of literature, reception, text.

Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке РГНФ
и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 16-14-16027

По-видимому, нет необходимости говорить о том, что античная тема давно и прочно стала неотъемлемой частью русской культурной традиции. О.Э. Мандельштам имел все основания утверждать, что «русский язык – язык эллинистический» [2: 202]. Под «эллинистичностью» автор подразумевал глубокую и нерасторжимую связь русской словесной культуры с древнегреческим ареалом средиземноморской ойкумены, связь, исторически возникшую и установившуюся, главным образом, по причине принятия в X веке христианской веры. «Эллинистичность» русского слова выражается, в числе прочего, в том, что оно не утилитарно, лишено деловой «хватки»,

прагматизма, функциональной «сноровки», столь существенной для языков романо-германской семьи (и скорее германской по преимуществу). Оно более «созерцательно», «собранно», «магично», если угодно, и, чтобы убедиться в этом, достаточно соотнести греческую софистику с тем многоплановым философско-художественным стилем, который мы находим, к примеру, у Л.Н. Толстого. Русскому филологическому сознанию античность близка и понятна (особенно после XVIII века с его классицизмом) – вот вывод, который логически следует из сказанного.

Что касается татарской культуры, то текст европейской античности ей, на первый взгляд, как будто бы «чужд»; во всяком случае, фактов, которые свидетельствовали бы о ее интересе к целостному античному наследию, ничтожно мало – настолько, что при определенных обстоятельствах ими можно пренебречь. Однако «чуждость» эта, как ни странно, носит весьма мнимый характер. Во-первых, «чуждость» не означает «противопоказанность»: все культуры в той или иной степени комплементарны. Во-вторых, исходя из имеющегося материала, правильнее было бы считать, что интерес к античности у татар «недооформился» (пунктир не превратился в линию) и что при иных условиях он, вполне возможно, приобрел бы статус устойчивого внимания – примерно такого, какой имели просвещенные турки-османы, будучи включенными в восточномедиземноморский мир территориально. В-третьих, даже отдельные знаки увлечения другой культурой заслуживают как минимум фиксации, а как максимум – понимания; это как раз одна из профессиональных забот классической гуманитарной науки; вопрос о механическом пренебрежении чем-либо стоит в ней с большей остротой и болезненностью, чем в науках точных; «округление» культурными фактами зачастую приводит к искаженному диалогу с прошлым и искривленному самовосприятию человека в настоящем.

В самом деле, вряд ли античная языческая мифология и средневековое византийское христианство могли заинтересовать думающего татарского интеллигента начала XX века – времени, когда поворот татарской культуры с

Востока на Запад приобрел заметные черты и когда в печати стали появляться переводы на татарский язык западноевропейских литературных и философских сочинений. Но переходные формы, ощутимо родственные по набору общечеловеческих ценностей и внешнему восточному колориту, не проходили мимо; их отмечали, пусть и через русское лингвистическое посредничество. Так, Г. Тукай переводил басни И.А. Крылова для тиражных сборников и журнально-газетных изданий, имея в виду, разумеется, искушенного детского читателя; И.А. Крылов же через Ж. Лафонтена «перекидывал мост» к Эзопу, творцу басенной прозы с ее акцентом на голой фабуле. Показательно, что Г. Тукай-поэт переводил крыловские басни исключительно прозой, даже по экспериментальным соображениям не пытаясь внедрить стиховой слог в новый басенный текст (см. цикл «Энже бөртекларе» / «Жемчужные зерна» (1909) [3: 26–112]). Обращение к басне объяснялось тем, что она имела прямой дидактический смысл, а кроме того, образы древнегреческого баснописца напоминали восточные, знакомые по сюжетам арабских и персидских сказок и назидательных новелл. Да и сама фигура Эзопа не могла не казаться примечательной! Умный и насмешливый раб, получивший свободу, остроречивый моралист, изъяснявшийся и просто, и витиевато, жизнерадостный балагур с народной смекалкой, он для татарского читателя был чем-то похож на Ходжу Насреддина. В нем просвечивала живая восточная душа, и это, между прочим, касалось не только Эзопа, но и Сократа, бродячего мудреца, чрезвычайно популярного и уважаемого на Востоке персонажа. Именно о Сократе А.Ф. Лосев писал, что это – «одно из самых загадочных явлений античного духа» [1: 372] и что, более того, в нем чувствовалось и осознавалось нечто «неантичное», противоположное эллинской гармонии и порядку. (М.М. Бахтин определял это явление как гротеск, радикальное смещение формы, полагая, что оно было самым значимым элементом карнавального мироощущения и сопутствующей ему смеховой культуры). В начале XX столетия татарское слово лишь нащупывало пути к античной литературе, и знакомство это естественно начиналось с учебников по географии; они были как оригинальными, так и

переводными; последние превалировали, они включали обзорные экскурсии в историю Греции и Италии – наследницы Древнего Рима, короткие этнографические описания и характеристики ландшафтных зон.

В советское время появился феномен государственного заказа на художественный перевод. Татарские писатели-переводчики им воспользовались, правда, античности они не затронули – в том масштабе, который можно было от них ожидать. Казалось бы, сталинская эпоха всячески декларировала монументальность в искусстве. В литературе она обретала плоть больших эпических повествований, и переводы не были исключением. Вместе с тем, переводя с тщательностью «Войну и мир», «Анну Каренину» и «Воскресение» Л.Н. Толстого, татарские переводчики обходили «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Неужели эти две поэмы слепого древнегреческого аэда они не могли переложить на татарский язык? Могли, но не осуществили, и дело не в том, что такая задача представлялась непосильной (чего-чего, но в энтузиазме советским писателям отказать невозможно; учтем также и то, что в этот период ускоренными темпами складывалась школа татарского переводческого мастерства, для которой любое препятствие представлялось преодолимым). Дело совершенно в другом: государственный заказ содержал негласные ограничения; он был практичным в том плане, что переводу на национальные языки подвергались в основном те литературные тексты, которые служили целям широкого просвещения читательских масс, а подобную роль играли дети и юноши – новое поколение людей, вступающее в жизнь. Потому-то переводили, как правило, приключенческую литературу, нередко с налетом яркой и незабываемой экзотики, сказки, фольклорные и авторские, поэзию для развития эстетического вкуса. Гомеровские сказания, в конечном счете, мог перевести только пылкий энтузиаст, да и то – «в стол»; таковой, увы, не нашелся, хотя случаи от обратного были (один из них касался романа Г. Маркеса «Сто лет одиночества»: его перевел на татарский – по собственному почину, без внешних организационных установок – К. Миннебаев, специально

изучивший испанский язык, ибо русская переводная копия его, переводчика «со стажем», удовлетворить не сумела).

Из античных авторов перевели одного Эсхила. В 1964 году вышел в свет татарский перевод трагедии «Прометей Прикованный» с небольшим предисловием Х.У. Усманова [5]. Перевод этот был выполнен с русской копии, принадлежащей, судя по всему, А.И. Пиотровскому, филологу-антиковеду. В целом, перевод достаточно точен, хотя отдельные слова в нем либо опущены, либо заменены перифрастическими оборотами. Так, первая фраза в прологе трагедии «горная дебрь» переведена Г. Шамуковым пояснительно, чтобы читатель мог увидеть пейзаж: «Буш далада тау-ташлы кыргыз жирлэр» (букв. «Суровая горная местность среди пустой равнины»). Ср. другие русские переводы этой фразы: у В.О. Нилендера – «Пустынная местность в далекой Скифии», у С.К. Апта – «Пустынные скалы на берегу моря». Одновременно – в речи Гефеста к Прометею любопытный пропуск слова: «Сверхмудрый сын Фемиды правосмыслящей...» – «Фемиданың зирэк улы!» (букв. «Мудрый сын Фемиды!»). «Правосмыслящая» в отношении богини правосудия – постоянный эпитет. Перевести его сложно из-за того, что он двухосновный. Пропуск в переводе компенсируется «Примечанием» в конце книги, там, где дается объяснение того, кто же такая Фемида («тэртип, гаделлек алласы» / «божества порядка и права»).

К числу подобных переводов примыкают и переводы сочинений русских авторов, написанных для детей об античной мифологии в общих ознакомительных целях, см.: [4].

Сегодня, к сожалению, татарскими переводчиками и писателями «античный текст» не разрабатывается. Пожалуй, Н. Фаттах (1928–2004) попытался актуализировать вопрос о прототюрских «корнях» древнегреческих и латинских слов. По-разному можно оценивать его опыт, но в одном нет сомнений: это тоже своего рода перевод чужой культуры на матрицу своего языка и мышления.

Исследование античной темы, по нашему мнению, нужно продолжить. В некоторых трудах встречаются указания на то, что в начале XX века татары много переводили из греческой литературы через турецкий «язык-посредник». Чтобы подтвердить эти высказывания, необходимо добыть осязаемый материал, а значит, провести более детальную источниковедческую работу.

Литература

1. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 1993. 383 с.
2. Мандельштам О.Э. О природе слова // Мандельштам О.Э. Шум времени: воспоминания, статьи, очерки. СПб.: Азбука-классика, 1999. С. 197–218.
3. Тукай Г. Әсәрләр: 6 томда. Т. V: Мәсәлләр. Балалар өчен хикәяләр. Автобиографик повесть. Юльязмалар. Хатлар (1903–1913). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2016. 415 б.
4. Эллада каһарманнары: Борыңгы Греция мифларынан / балалар өчен кыскартып сөйләүче В. Смирнова. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1958. 157 б.
5. Эсхил. Богауланган Прометей / Г. Шамуков тәрж. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1964. 63 б.